
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-14-37

УДК 316.772.3

**ВИРТУАЛЬНОСТЬ И СЕТЬ:
О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВАХ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ
(ОТВЕТ НА МОНОГРАФИЮ М.Г. БРЕСЛЕРА
«ОНТОЛОГИЯ СЕТЕВОГО БЫТИЯ»)***Демичев И.В.*

Данная статья представляет собой ответ и рецензию на монографию «Онтология сетевого бытия» М.Г. Бреслера, вышедшую в 2020 году. Значимость темы и интересные подходы автора, выраженные в монографии позволяют высоко оценить этот труд, однако ряд положений, в том числе, концептуального характера, вызывают резкие возражения. В статье рассматриваются три основных проблемных поля: коммуникативное сообщество, виртуальность в коммуникации и цифровую коммуникативную среду, а также их влияние на функционирование современных социокультурных сообществ. Критикуется концепция «виртуальности», «эпистемического объекта/вещи» и эгалитарных акторно-сетевых сообществ. При этом сетевыми признаются любые социокультурные коммуникативные сообщества, безотносительно технологий и информационной инфраструктуры. Отдельно отмечается специфика современной интернет-коммуникации и интернет-сообществ, как «почти чистой коммуникации». Исходя из критики формулируются основные черты современной коммуникативной среды, построенной на информационных технологиях в интернете.

Ключевые слова: сетевые сообщества; социокультурные сообщества; виртуальность; структура сообщества; коммуникация; интернет

**VIRTUALITY AND NETWORKING:
ABOUT THE SOCIO-CULTURAL COMMUNITIES
OF THE INFORMATION AGE
(ANSWER TO M.G. BRESLER'S MONOGRAPH
'THE ONTOLOGY OF NETWORK EXISTENCE')**

Demichev I.V.

This article is written in response to the monograph "Ontology network being" by M.G. Bresler published in 2020. Significance of the topic and author's noteworthy approaches found in the monograph warrant high opinions about it, however, a number of statements, including those of conceptual character, nonetheless invite strong objections. The article reviews three problematic areas: communicative community, virtuality in communication and digital communicative environment and their influence upon functioning modern of sociocultural communities. The concept of "virtuality", "epistemic object/item" and egalitarian actor network communities is criticised. At the same moment all sociocultural communicative communities regardless of technologies and information infrastructure are considered networked. Special attention is paid to specifics of present-day Internet communication and Internet communities as "almost pure communication". On the basis of the criticism main characteristic features of present-day communicative environment built around information technologies in the Internet are formulated.

Keywords: *network communities; sociocultural communities; virtuality; community structure; communication; Internet*

*Глубина-глубина, я не твой,
Отпусти меня, глубина
С. Лукьяненко «Фальшивые зеркала»*

Проблема изучения новой социальности, в которую неотъемлемым элементов входит «цифровая среда» коммуникации и взаимодействия, достаточно популярна среди современных исследовате-

лей. От частных аспектов влияния информационных технологий на те или иные процессы [см. напр., 9, 8, 17, 10] до постановки фундаментальных философских проблем экзистенции субъекта, искусственного интеллекта и протекания социокультурных процессов [13, 18, 16] – кажется, что охвачены все исследовательские поля. Однако можно заметить одну специфическую тему, сопровождающую рефлексию информационной сферы, становящегося информационного общества. Эта тема, насколько можно судить, характеризует противоречия в мышлении, возникающие из-за особого состояния – модернизационного перехода, революционных изменений в структуре социокультурного пространства и форм его организации. Прежние институционально-дискурсивные структуры оказываются фактически дисфункциональны, но еще активно используются субъектами и в практике и, что важнее, в рефлексии – причем, структуры, складывающиеся уже в новых условиях и на новых принципах, еще непонятны, фрагментарны и, в целом, не концептуализированы. Похожие примеры можно было наблюдать при обсуждении предыдущего модернизационного перехода, при становлении индустриального общества. Разумеется, это ни в коем случае не умаляет ценности рефлексии на ранних этапах становления нового типа общества – и лишь ретроспективно можно оценить, какие представления оказались значимы, а какие выражали инерцию мышления авторов.

Поводом к написанию данной статьи стала монография «Онтология сетевого бытия» [5] доцента, кандидата философских наук М.Г. Бреслера, который плотно и последовательно занимается изучением информационных сред и сообществ. Достаточно рассмотреть библиографию работ автора, чтобы оценить масштаб и разносторонний анализ данных явлений [4, 6, 2, 1, 3, 7]. В то же время, на примере этой монографии можно хорошо заметить, как при анализе интернет-сообществ происходит смешение общих принципов социокультурной общности и специфики, вытекающей из собственно цифровой среды их функционирования. Не вдаваясь в подробный разбор замечательного в прочих отношениях текста, следует

подробнее остановиться на проблеме разграничения одного и другого с целью выявления специфики цифровой среды и ее влияния на социокультурные процессы. Рассмотрим три проблемных поля: коммуникативное сообщество, виртуальность в коммуникации и цифровую коммуникативную среду – поскольку социокультурные сообщества имеют преимущественно коммуникативную природу, и именно на коммуникацию, «обмен информацией и сообщениями» влияют собственно «информационные технологии».

1. В коммуникативном сообществе можно выделить два основных элемента: совокупность субъектов сообщества и объединяющую их коммуникацию, понимаемую, как обмен информацией, посредством которой координируется взаимодействие – так, что сообщество само обретает черты субъекта с единой деятельностью. Исходя из этого, понятно, что, во-первых, чем более сходны между собой «протоколы общения», коммуникативные коды – тем эффективнее обмен информацией, а значит, коллективная деятельность субъектов; во-вторых, эта эффективность тем больше, чем больше субъекты склонны в ней участвовать. Оба этих момента важны одинаково: если субъекты хотят, но не могут общаться – или могут, но не хотят, сообщество не складывается и взаимодействие оказывается невозможным. Содержание общения при этом также можно разделить на два компонента: непосредственно ориентированное на основную деятельность сообщества и спонтанно складывающееся между субъектами последнего. Соответственно, соотношение первого и второго определяет характер самого сообщества: преобладание функционального общения образует «деловое», а преобладание частного – «досуговое» сообщество. Однако следует подчеркнуть, что, с одной стороны, это соотношение не статично: в ходе становления и развития сообщества формы общения могут менять свою значимость, и деловое сообщество, например, может сложиться из досугового, и наоборот; с другой стороны, они обязательно присутствуют – хотя бы в виде обычаев дружеского отдыха или в виде взаимных симпатий и антипатий внутри трудового коллектива. Более того, совместно «деловое» и «досуговое» обще-

ние внутри сообщества оказывают весьма существенное влияние на его существование – как укрепляя и усиливая координацию и эффективность деятельности, так и ослабляя их. В этом проявляется не только функциональная, но и ценностная составляющая коммуникативного сообщества: если ценности сообщества, ценности участников и ценности деятельности согласуются друг с другом, эффективность взаимодействия усиливается, и наоборот. Достаточно очевидно, что всякое сообщество, и чем оно крупнее, тем ярче это проявляется, образуется множеством практик и множественной коммуникацией – как в смысле «разделения труда» и выполнения различных функций, так и в смысле текущих задач, спонтанно возникающих отношений и т.д. Тем не менее, хотя всякое сообщество и способно определенным образом меняться, все равно складывается и воспроизводится некоторый общий для него образ взаимодействия и общения – собственно, и называемый «кодом», или парадигмой, вокруг которой, не обязательно соглашаясь, но и оппонируя, собираются его участники. Эта парадигма сообщества, далеко не всегда непосредственно касаясь (особенно в больших и «старых» сообществах) конкретной практики, функционала, проявляется во всем комплексе отношений между участниками, определяя нормы, ценности и сам образ существования и каждого из них, и сообщества в целом. Всякий участник коммуникации включается в нее постольку, поскольку так или иначе воспринимает и транслирует образы, согласуется с правилами и следует парадигме. М.Г. Бреслер обозначает ее, как «эпистемическую вещь» и рассматривает последнюю, как актора коммуникации, самостоятельный субъект [5, с. 58-59] – причем, онтологически (по крайней мере, для данного сообщества) более высокий, нежели субъекты-люди (поскольку определяет правила коммуникации). Если с самим концептом «эпистемической вещи» согласиться можно, то ее субъектность может мыслиться лишь как некоторая абстракция. В самом деле, участник взаимодействует не с ней, он взаимодействует с другими участниками, и «эпистемическая вещь» выступает средой/протоколом общения, обеспечивающей если не тождество, то эквивалентность представлений участников.

В случае, если данное сообщество значимо для субъекта настолько, что влияет на его экзистенцию, его среда/протокол начинает выступать базой для представлений/общения за пределами сообщества – происходит трансляция во внешнюю среду. Такие коллективные представления далеко не новы, они лежат в основе всякого сообщества, вплоть до цивилизации: идентичность, базовые ценности, парадигма культуры. В этом смысле, необходимо четкое различие: абстрагируемся ли в ходе исследования от любых некомуникативных факторов (субъекты, условия, техническое обеспечение и т.п.) и рассматриваем только процесс перетока «сообщений» (тогда можно говорить об эпистемической вещи, как «акторе»), либо учитываем их, и тогда в любом случае необходимо делать отсылку к субъекту коммуникативного действия (и эпистемическая вещь может выступать только как условие/основание для акта такого субъекта). Разумеется, всякий данный участник коммуникации может по любым причинам «не замечать» контрагентов, обобщать их позиции и говорить, что именно они «заставляют» контрагентов поступать так или иначе – однако нельзя забывать, что это именно концептуализация/абстрагирование и, в конечном счете, «расчеловечивание» других субъектов коммуникации. Собственно, на примере стоимостей и финансового рынка сам автор показывает именно этот характер отношений субъектов-трейдеров [5, с. 59-60], не только воспринимающих «знание» или «эпистемический объект», но и коллективно его применяющих и изменяющих совокупной коммуникацией. Исходя из этого, совершенно непонятно, в чем М.Г. Бреслер не согласен с Ивахненко [14], кроме самого утверждения.

С другой стороны, из положения, что участие в коммуникативном сообществе либо выражает ценности субъекта, либо, по крайней мере, не противоречит им, а также из функциональной ограниченности самих сообществ следует еще одно рассуждение. Даже в наиболее формализованных и структурированных «деловых» сообществах участники включены на том или ином ценностном основании – в противном случае они либо сами выйдут из его состава,

либо будут выбракованы сообществом. В то же время, даже наиболее «широкое» по своему функционалу сообщество, как правило, не покрывает ценностный спектр участников и не инкорпорирует их полностью – т.е. участники, как правило, одновременно состоят в некотором множестве сообществ. Участие субъекта в сообществе, пусть и в разной степени, предполагает добровольность – меры принуждения, если они существуют, создают ситуацию, в которой ценности подчинения превалируют над ценностями сопротивления, и как только эта ситуация меняется, участник выходит из сообщества. Наконец, субъектность участника сообщества атрибутивна: даже в самом подчиненном положении, его деятельность и коммуникация выступают компонентом общего взаимодействия и общего пространства сообщества. Иными словами, любое коммуникативное сообщество, образованное добровольно на основании ценностей и взаимодействием участников, представляет собой сеть онтологически равных акторов – через которых оно связывается с другими сообществами, также образуя сеть. Таким образом, общество представляет собой двухуровневую сеть – на уровне людей-субъектов и на уровне их объединений, сообществ. При этом управленческие структуры с теми или иными видами подчинения выступают частным случаем сетевой организации, оптимизированным под решение определенных задач, исходя из существующих в обществе представлений и используемых социально-гуманитарных технологий.

Разнообразие ценностных установок личности определяет разнообразие сообществ, в которых она участвует. В то же время, множество схожих по установкам сообществ не означает, что личность будет входить в них – склонность войти в данное сообщество определяется «дистанцией» (реклама, личные связи/рекомендации и т.п.), а в аналогичные – степенью реализации ценностей в данном (чем менее они реализуются, тем выше интерес в аналогах). Иными словами, чем вовлеченнее личность в данное сообщество – тем меньше у нее склонность входить в аналогичные; чем «уже» спектр реализуемых ценностей в данном сообществе – тем больше

склонность входить в иные сообщества. Это, разумеется, корректируется степенью связности аналогичных сообществ – чем больше между ними «переток» нарративов, участников и тем, т.е. чем меньше между ними дистанция, тем ниже нежелание в них участвовать. Однако в целом это определяет а) дифференциацию сообществ между собой и б) конкуренцию между аналогичными сообществами. И в любом случае, чем больше сообществ, в которых участвует личность, тем выше доля «пассивного участия» (восприятие/трансляция сообщений), и наоборот, чем меньше сообществ, тем выше «креативность» участия – при условии некоторого уровня собственной активности личности.

В общем виде коммуникативные сообщества структурируются по своему качественному содержанию и количеству групп участников. По качеству можно выделить: а) базовую идею сообщества (эпистемическая вещь?), б) комплекс раскрывающих ее принципов/базовых образов/текстов, в) текущие раскрывающие идею тексты/образы, г) текущие вторичные тексты/образы. В зависимости от соотношения этих элементов можно классифицировать сообщества на «фанатские» (доминирование а-б), обычные (доминирование б-в) и простые (доминирование в-г). По группам участников можно выделить а) «ядро», задающее контент, б) «активистов», постоянно транслирующих и модифицирующих контент, в) простых участников, транслирующих и воспринимающих контент и г) сторонних/внешних участников, воспринимающих и эпизодически транслирующих контент. Аналогично, можно классифицировать сообщества по количеству и соотношению этих групп на «плотные» (доминирование групп а-б), «обычные» (доминирование б-в) и «рассыпанные» (доминирование в-г). При этом следует понимать, что группа а) и содержание а) существуют обязательно, и обладают неизменным статусом, по сути, создавая собственно сообщество («центр окружности»), хотя могут быть и по-разному выражены.

В то же время, при достаточно большом сообществе неизбежно возникают его подгруппы («коммуникативные узлы»), которые, в целом, образуют аналогичные структуры («ядро-активисты-участ-

ники)), но не формируют (в данный момент) самостоятельного сообщества, сохраняя активную содержательную и практическую коммуникацию с другими подгруппами. При любом исходном условии автономизации, они в любом случае будут формировать собственный вариант «содержания а-б» и «групп а-б».

Динамика коммуникативных сообществ полностью определяется динамикой участия субъектов в коммуникации. Можно выделить: а) сообщества, коммуникация которых задается «группой а» по поводу «содержания а»; б) сообщества, коммуникация которых задается «группой а-б» по поводу «содержания а-б»; в) сообщества, в которых коммуникация определяется «группами б-в-г» по поводу содержания «б-в-г», т.е. собственно, самовоспроизводится. Только в последнем случае можно говорить, что коммуникация продолжена, в остальных случаях она дискретна и обладает выраженной динамикой «исходное сообщение – затухающее обсуждение». В случае а-б можно утверждать наличие «центра» сообщества в виде «содержания а/а-б», «группы а/а-б», по отношению к которому остальные участники – более или менее активная периферия.

Очевидно, что выделение таких элементов коммуникативного сообщества противоречит «эгалитарным» коннотатам описания М.Г. Бреслера коммуникативного сетевого сообщества – что, опять же, наглядно проявляется в его же критике «ризомной» парадигмы и обосновании парадигмы «кластерной» [5, с. 60-66]. Разной степени «нагруженные узлы» коммуникации как раз и дают количественно измеряемую структуру, о которой сказано выше.

В более общем виде, динамика коммуникативного сообщества может быть описана, как «формирование ядра/концепта» – «его активно развертывание в общении участников/рост количества участников» – «рутинизация коммуникации и стабилизация аудитории» – «умаление ядра/концепта и рост значение рутинной/вторичной коммуникации» – «распад ядра/концепта». Разумеется, это общие состояния, между которыми переходит сообщество, в том числе, многократно, причем, стабильно оно существует, балансируя между вторым и третьим состоянием. Внешние условия здесь мо-

гут способствовать или препятствовать коммуникации, в частности, выступая источником для нее, однако чем больше сообщество зависит от внешних факторов, тем больше оно вырождено, поскольку утрачивает собственный смысловой центр, «концепт».

2. В отношении содержания коммуникации необходимо подчеркнуть принципиальный момент. Если реальность – мир объектов, определяемых в отношении субъекта, то виртуальность – это мир объектов, превращенных субъектом, воспринятых, отображенных и трансформированных [15, цит. по 11 – следует отметить, что М.Г. Бреслер сам ссылается на Н.А. Носова, поэтому концептуализация «виртуальности» в его чертах вполне правомерна]. Виртуальность – порожденность условием/фактором относительно константного. В общем виде любой психических образ виртуален относительно «материального объекта» и порожден спецификой субъекта. Аналогично, любой культурный артефакт виртуален постольку, поскольку обладает смыслом, помимо и поверх «нечеловеческого», природного. Виртуальность создает человек, и индивидуально, и коллективно, обществом. В этом смысле, виртуальным является любое представление о реальности. Культурные объекты также виртуальны – постольку, поскольку люди раскрывают из них специфические смыслы/образы/представления, без чего это – просто материальный объект. Аналогично и «компьютерная виртуальная реальность», построенная на двух основаниях: специфическим образом модулируемые сигналы, распознаваемые органами чувств человека и закладываемый в них специфический смысл. В самом деле, нет принципиальной разницы, каков материальный объект: обработанный камень, раскрашенная бумага или подсвеченный экран – главное, обладают ли они раскрываемым из них смыслом, обращено ли на них восприятие субъекта. С другой стороны, воспринимаемый и осмысленный мир – единственный, данный человеку, и за пределами этого субъектного превращения, собственно, «объективный мир», неизвестен (хотя и, очевидно, познаваем потенциально). Иными словами, люди живут в виртуальности по определению, реальность дана нам через призму виртуальности, законченной или раскрытой – не принципиально.

Коммуникация в этом смысле – во-первых, способ согласования такого виртуального представления, во-вторых, формирование способов создания виртуальности (что наглядно видно в научении, прежде всего, детей), и в-третьих, обеспечении возможности через виртуальное представление влиять на «объективную» реальность, как индивидуально, так и, главным образом, коллективно. Отсюда понятно второе главное свойство виртуальности – интерактивность: это не просто превращенная субъектом реальность, выражающая некоторую сторону реальности объективной/константной, но и обеспечивающая интерактивность, возможность взаимодействовать с ней. Иными словами, виртуальность не только отвлекается от объективности, но и возвращается к ней, и должна быть связана, в т.ч. сущностно – и формально. Очевидно, что формальную связь с объективной реальностью обеспечивает материальность тела человека – именно посредством него мы изменяем объекты (труд, создающий предметы потребления или орудия труда, не важно). А сущностная связь – вне зависимости от «картины мира» данной культуры – представляет собой, по крайней мере, аналогизацию раскрываемого в представлении «законов мира» (например, законов науки) и собственно законов мира («законов природы»).

Соответственно, «развиртуализация виртуального», о которой пишет М.Г. Бреслер [5, с. 67] представляет собой отказ от смыслового содержания, приписанного человеком/культурой. В коммуникативных сообществах, таким образом, в принципе невозможна «развиртуализация», поскольку коммуникация принципиально представляет собой «виртуализирующую» среду языка, с правилами, понятиями и нарративами.

Возможно считать саму коммуникативную среду константной. В этом случае виртуальными будут, во-первых, субъективные представления о коммуникативной ситуации участников, во-вторых, представления о данной коммуникативной среде в некоторой иной. Однако в любом случае нельзя говорить о виртуальности, например, конкретных вариаций коммуникации, групповых объединений аудитории и т.п. феноменов – просто потому, что они однопоряд-

ковы, находятся в том же онтологическом слое, что и константная реальность.

В этом ключе остается непроясненной устойчивая связь, проводимая М.Г. Бреслером, между «эпистемической вещью» и «развиртуализацией» [5, с. 74]. Эпистемическая вещь возможна, как абстракция представлений от их носителей/трансляторов (необходимо подчеркнуть: не концепт представлений, а именно «анонимность», т.е. неизвестность источника – что, разумеется, не означает его отсутствия, в лучшем случае «общеизвестное», т.е. воспроизводимое всеми участниками коммуникации согласно правилам/протоколу последней). Очевидно, такая абстракция возможна, именно как субъективное представление участника коммуникации, и потому может считаться «виртуальной», особенно в последнем случае «общих представлений». Актуализируясь в конкретной коммуникативной ситуации, в конкретном полисубъектном нарративе, они, очевидно, с одной стороны, «проявляются вне зависимости от воли субъектов» (что некорректно, поскольку воля субъектов – придерживаться правил общения, а они этими правилами предписаны), но с другой – модифицируются конкретным речевым актом, изменяются в зависимости от конкретного контекста (наглядный пример – культура мемов, изменяемых цитат, анекдотов и т.п.). Из некоторой «наднарративной» реальности они, таким образом, входят в нарратив, придают ему форму – и меняются сами. В каком-то смысле, это можно считать «развиртуализацией», хотя, скорее, тут обратный процесс: если за константную реальность принять «язык», то любая «речь» будет порождением субъективными усилиями иной реальности общения. Впрочем, что порождено чем – спор «о курице и яйце»: язык оформляет речь или речь воплощает язык.

Тем не менее, в целом и с большими натяжками можно – абстрагируясь от субъектов-носителей – говорить о подобной «виртуализации и развиртуализации».

3. Специфика современной «интернет-виртуальности» определяется «почти чистой коммуникативностью» сообществ: их внутреннее пространство-время формируется только коммуникаци-

ей. «Офлайн-сообщества» в этом смысле всегда, с одной стороны, значительно более «сетевые», «полисубъектные», поскольку их участники в любом случае проявляют субъектность в обычной жизнедеятельности, а с другой – коммуникативный процесс всегда сопровождает и складывается по поводу обычной жизнедеятельности в рамках самого факта взаимодействия участников. Следствием этого является умаление роли и значения объективной референции, отсутствие необходимости в «объективной реальности» и внутренней, дискурсивной «проверке на истинность/осмысленность». Меняется и смысл субъекта-участника – это уже «аккаунт», а не личность, как таковая. Субъект коммуникации в сообществе а) определяется по факту участия, б) на основании правил, причем, в) раскрывается в процессе коммуникации по отношению к другим участникам, правилам/парадигме и креативности. Это выступает значимым для коммуникативного сообщества удостоверением/портретом участника. Его «бэкграунд» за пределами сообщества оказывается значимым в силу особых условий: либо «провокация», либо «уникальный человек». Более того, даже подчеркнуто «чужой» участник (например, в «холиварах») оказывается определен в рамках парадигмы и его «бэкграунд» не обладает значением. В этом смысле, с одной стороны, участники сообщества «известны» друг другу в ходе общения, а с другой – «анонимны» во всем, что не касается этого общения.

При этом само сообщество обеспечивает свое существование дискурсом, свой смысл имеет в воспроизводстве дискурса и предполагает единственную практику – нарративное раскрытие дискурса субъектами-участниками. Такие интернет-сообщества (даже если они представляют собой общение людей по поводу чего-то «реального», например, хобби, туризма, товаров и услуг – не важно) виртуальны в наибольшей степени, поскольку сама коммуникация в них ведется между «аккаунтами» (объективность которых недоверяется, удостоверяется только «участие в общении») посредством медиа (текстовых или аудио-визуальных), и реальность дана только в превращенной форме «мнений участников» или «фото-ви-

део подтверждений». Грубо говоря, это феномен эквивалентности «реальности и ее образа», что наглядно подтверждается в «фото с моря» или «фото с автомобилем», в широкой форме – «чего нет в интернете, того не существует». Однако а) дискурсивная структура коммуникации не статична и меняется в рамках общей динамики сообщества (даже если речь о сообществах типа «в» и «г», без четкого задатчика контента) и б) участие в сообществе стохастично – как в плане участвовать или не участвовать, так и в плане как именно участвовать. Последнее определяет субгрупповое деление участников по компонентам парадигмы/отношению к ней – и в случае достаточно значительных расхождений возможно образование внутри сообщества выраженных подсообществ – с последующим выходом их из состава базового. Соответственно, «энтропия сообществ», т.е. как исчерпание парадигмы коммуникации, так и членение их, никуда не девается.

Более того, прежние организационные формы сообществ – форумы, группы ВКонтакте – уступили место новым – паблики, публикационные сайты, частные чаты, что сказывается на устойчивости и плотности образующихся сообществ: выше роль задатчиков контента, более текучие аудитории, ситуативная спорадическая коммуникация; или наоборот, узкая группа постоянно общающихся при минимальной роли организатора. Если в Веб 1.0 интернет обеспечивал складывание и функционирование относительно оформленных сообществ, за счет доминирования форумных объединений и построенных по форумной механике первого варианта социальных сетей (группы ВКонтактесо внутренними темами-обсуждениями), по отношению к которым сайты (пусть даже с возможностью комментирования) и мессенджеры (вроде ICQ) играли подчиненную роль – то в современной сети, Веб 2.0 структурность сообществ принципиально изменилась. Упадок форумов и сведение социальных сетей к «лентам новостей», по сути, устранили непосредственно «сетевое» общение аккаунтов в рамках сообществ. Активность в их рамках представляет собой микроциклы «публикация – комментирование – комментирование комментариив», с высокой скоростью затухания шлейфа последних. Другая

форма интернет-общения – чаты в мессенджерах или соцсетях, которые, с одной стороны, непосредственно представляют собой общение аккаунтов, причем, с минимальной ролью «группы а» и высокой динамичностью переходов «группы б-в» (и в этом смысле, именно они наиболее близко подходят под описательную модель «сетевой коммуникации»). С другой стороны, такие чаты жестко отграничены по составу участников (хотя вряд ли пока есть возможность хотя бы примерно оценить среднее количество участников таких чатов и среднюю плотность коммуникации в них) и представляют собой закрытые сообщества, доступ к которым обеспечивается только администрацией чата. С третьей стороны, такие чаты, скорее, представляют собой профессиональные или досуговые площадки, в отношении которых присутствует особый интерес субъекта – которому по различным причинам уже недостаточно открытой информации, публикуемой, например, на страницах паблика или сайта, и есть интерес общаться с «такими же, как он» более неформально.

Разумеется, говорить о том, что «сетевых сообществ больше нет» некорректно: они действительно, могут быть выделены, хотя и имеют иную сущность. По сути, они действительно, представляют собой кластеры аккаунтов, относительно объединенных, во-первых, «публикационными каналами» (т.е. агрегациями публикаций в виде пабликов, страниц, сайтов и т.д.), на которые подписаны аккаунты – т.е. которые читают, комментируют и транслируют/репостят на свои страницы/страниц других агрегаторов. Иными словами, это сообщество объединено внешними, формальными признаками «совместного чтения» (пусть оно и выражает ценности субъектов-участников), но не непосредственно связывающей их коммуникацией. Следствием этого, очевидно, выступает резкое усиление роли «группы а», задающей публикуемый контент (хотя, разумеется, она может быть открыта – как, например, на сайте Хабр.ком, где публиковаться может любой зарегистрированный пользователь), а роли остальных аккаунтов в коммуникации сводится к более или менее активному комментированию. Еще одним важным элементом структуризации интернет-сообщества выступают «алгоритмы

директа», сортирующие на основании «данных профиля и истории запросов» информационный поток больших площадок (например, социальных сетей, Ютуба, сервисов Яндекс) и предлагающие аккаунту определенный подбор публикаций – и других аккаунтов. При всей коммерческой и политической пользе, это определяет формирование «информационного пузыря», в котором находится пользователь, а также окружения соответствующих его предпочтениям других пользователей [см., напр., 12].

Собственно, именно этим образуется реальное интернет-сообщество современности: не столько коммуникативное взаимодействие, сколько отобранное информационное и персональное окружение, среда, в которой разворачивается «интернет-серфинг» пользователя. Учитывая, что «не существует ничего вне сообщества», неожиданным следствием этого является «фанатизм» таких сообществ: получая рутинное подтверждение в коммуникативном опыте собственных ценностей и людей, их разделяющих, неизбежно складывается – в мягком варианте – представление, что «нормальные люди думают так» (в жестком: «люди думают так»), а носители альтернативных представлений/взглядов неизбежно же стигматизируются (в лучшем случае), как «не нормальные». Есть один парадокс: во второй половине нулевых (становление ВКонтакте) к интернет-площадкам было несерьезное отношение, однако сами дискуссии строились «по форумным правилам», длительные, аргументированные, серьезные; сейчас социальные сети и иные интернет-площадки стали «ландшафтом жизни», обязательным атрибутом реальности и общении – коммуникация же при этом резко упростилась до «троллинга и травли».

Таким образом, современное «сообщество в интернете» представляет собой:

1. Среду общения, организованную тематическими/ценностными установками, выраженными в комплексе (относительно) сопряженных дискурсов;

2. Совокупность субъектов – аккаунтов-участников, распределяемых по «популярности» их и их сообщений, на которые следуют

реакции (комментарии) и которые транслируются (репосты) другими аккаунтами, чем образуется иерархия и «неслучайность» каналов протекания коммуникации (при этом следует учитывать, что статусное различие может быть весьма существенным: аккаунт, у которого мало подписчиков и репостов, но подписчики – сами выступают иерархически высокой группой – оказывается особо значимым, хотя и не обязательно «известным» для сообщества).

3. Выражающий общение нарратив сообщества, представленный структурированной совокупностью «текстов»: базовых (публикации, на которые следует реакция и которые транслируются), реплицированных (публикации-репосты, безотносительно «указания источника»), трансформированных (публикации, варьирующие содержание базового текста), комментирующих (сообщения «в ответ» на все остальные тексты) и межаккаунтная коммуникация («личка», «чаты»).

Особо стоит обратить внимание на кросс-платформенность такого сообщества, куда не только могут, но и входят различные сайты, агрегаторы, группы/паблики/аккаунты социальных сетей, мессенджеры и т.п. форматы, непосредственно объединенные тематически, нарративно и субъектно в относительно устойчивые формы. В целом, абстрактно можно сказать, что из совокупности этих элементов складывается инфраструктура современной субкультуры, однако здесь наблюдается интересный эффект. Всякая субкультура строится на, с одной стороны, эталонном образце, которому надо соответствовать (идентичность), а с другой – на совокупности людей, которые ему соответствуют. Образец субкультуры принципиально виртуален: это культурный образ, который фиксируется и транслируется через коммуникативные каналы общества (в какой-то мере – иначе субкультура полностью замкнута) и является принципом контента в коммуникативных каналах сообщества. Сейчас такими каналами выступают интернет-площадки, и преимущественным способом коммуникации участников субкультуры являются они же. Иными словами, если раньше субкультура «обладала» своим интернет-выражением, то сейчас субкультура преимущественно строится на базе интернет-инфраструктуры, а

офлайновые группы являются лишь частным (и необязательным) ее выражением.

4. Множественность сообществ, безотносительно комплементарности дискурсов, предполагает и множественность «версий» виртуальных реальностей, каждая из которых претендует на исключительность внутри себя, в том числе, активно избавляясь от альтернативных представлений («холовары» различного толка). При этом входящий во множество сообществ субъект, получается, вовлекается во множество исключительных версий реальности, которые могут согласовываться – а могут и не согласовываться друг с другом, но в любом случае, пересекаются либо взаимной трансляцией контента, либо участниками. Последнее – пересечение – обладает, скорее, характером «те же признаки», нежели «тождество или одна сущность», т.е. оно внешне для данного сообщества, поскольку само по себе никак не касается базового процесса коммуникации внутри него.

Собственно, в этом смысле можно говорить о рассогласовании публичного пространства – социального, культурного, общественного сознания – поскольку версии реальности эквивалентны реальности и друг другу, но при этом не предполагают других версий (они ложны – если отрицают наши представления – или недостаточны – если похожи, но отличаются). Аналогично рассогласуются и личные сознания субъектов, которые постоянно переключаются между эквивалентными, но исключительными версиями реальности – между самими реальностями: «двое/многомыслие» и отсутствие связи между феноменами, не отраженными в актуальных дискурсах сообществ, в которых участвует личность. Это весьма наглядно заметно на примере современного политического процесса и «активистской» гражданской организации.

В целом, участие и динамика субъекта интернет-сообщества совпадает с динамикой участия в любом досуговом или рабочем сообществе. Первичное вовлечение, освоение контекста, формирование контекста, трансформация контекста, вовлечение в контекст внешних элементов, выход из контекста и сообщества. Индивидуальные «траектории» определяются, во-первых, близостью коммуникатив-

ного кода/парадигмы общения к ценностному строю, во-вторых, наличием актуальных внешних аналогов, и в-третьих, стремлением/возможностью перехода в группы а-б. В то же время, в силу принципов организации интернет-общения (автономный аккаунт – «анонимность» за пределами коммуникации – присутствие в виде сообщений) любой участник, включающийся в текущий коммуникативный процесс, уже представляет собой специфическую позицию (причем, вне зависимости от «своей истории»: особенно наглядно на примере с «комментариями в пабликах», где любой данный коммуникативный процесс происходит «заново», если только аккаунты не «узнают» друг друга по прежним комментариям), которая одновременно для данного участника представляет собой «аксиому», а для всех остальных – более-менее правильную посылку, поскольку соответствует правилам и схожа с собственной. Субъектоцентризм интернет-сообщества предполагает «гонку за лидером», единственный ограничитель которого – степень интереса коммуницирующих участников к теме/форме («кто быстрее сольется»), доминантный статус администрации (админ/модератор превыше любых других участников, даже если он – сам участник коммуникации) и жесткость санкционирования. Хотя здесь, разумеется, можно отметить определенную корреляцию: чем больше субъект «оказывается лидером», тем больше он подтверждает для себя «близость ценностей и кода», и тем больше влияет на них; и наоборот.

Отдельно возникает ситуация с «новыми поколениями», которые входят в сознательную жизнь уже в рамках развитой интернет-коммуникации, формируются в ее среде, а не относятся к ней «со стороны», произвольно входя и выходя в сообщества. Точно так же, как и в офлайн-сообществах («влияние улицы», «дворовое воспитание» и т.п.), здесь действуют факторы «задачи нормального» - не положительные/отрицательные санкции, не «так должно быть», а именно «так есть»: эта среда для людей есть естественная среда обитания, в которой протекает их коммуникация, они формируются ею. Соответственно, ситуация «личность и коммуникативный код» обретает иную форму: не «личность оценивает коммуникативный код по степени близости»,

но «личность формируется данными коммуникативными кодами» (см. оправдания тиктокеров после протестов зимы 2021 года). Иными словами, «внешними» ценностными координатами относительно некоторого сообщества выступают ценности другого сообщества, в котором личность была до этого и которое повлияло на нее – офлайнный же мир в этом смысле оказывается значим постольку, поскольку либо представляет собой «ближайшее окружение», либо выражен через образы сообществ, в которые личность входит. Исходя из этого, можно было говорить про солидаризацию коммуникативных процессов на базе «общего коммуникативного кода» для предыдущих поколений (образованных, преимущественно, офлайнными, доинтернетовскими формами культуры/опыта) – для «новых» поколений коммуникативные коды, наоборот, формируются сетью. Исходя из этого «кластеры сети» оказываются, наоборот, куда более устойчивыми – иные позиции в них либо не представлены, либо представлены критически – однако внутри них лабильность подсообществ/подгрупп оказывается очень высока, просто потому, что «свобода образования групп» оказывается фундаментальным маркером формирующей среды.

Список литературы

1. Асташкин А.Г., Бреслер М.Г. Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 4. С. 814-822.
2. Бреслер М.Г. Аксиальный фактор в социальных процессах информационного общества: философский анализ // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 2 (136). С. 105-109.
3. Бреслер М.Г. Метаморфозы творчества в сетевой коммуникации постмодерна // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. Ответственный редактор В.В. Васильева. 2019. С. 93-94.
4. Бреслер М.Г. Социальная солидарность в информационном обществе // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2 (69). С. 178-179.
5. Бреслер М.Г. Онтология сетевого бытия: монография / М.Г. Бреслер; послесловие А.Д. Хасаншин. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2020. 130 с.

6. Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.
7. Бреслер М.Г., Рабогошвили А.А., Сулейманов А.Р. К вопросу о роли символического в идентификации человека информационного/цифрового общества // *Studia Culturae*. 2020. № 45. С. 18-34.
8. Варганова М.Л., Дробот Е.В. Цифровая трансформация российского АПК в современных условиях // *Экономика, предпринимательство и право*. 2019. Том 9, № 4. С. 301-310. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41534>
9. Городнова Н.В., Самарская Н.А., Крупкин А.В. Реализация проекта «Системный город» (на примере г. Екатеринбург) // *Жилищные стратегии*. 2019. Том 6, № 4. DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.6.4.40924>
10. Городнова Н.В., Скипин Д.Л., Роженцов И.С. Применение Smart-технологий: оценка влияния на развитие человеческого капитала // *Креативная экономика*. 2019. Том 13, № 10. С. 1837-1858. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.13.10.40965>
11. Грязнова Е.В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // *Философская мысль*. 2013. № 4. С. 53-82. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.4.278>
12. Гуров Ф.Н. Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети // *Проблемы современного образования*. №3, 2019. С. 9-20.
13. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 4. С. 41-54.
14. Ивахненко Е.Н., Атаева Л.И. Аутопойезис эпистемических вещей как новый горизонт построения социальной теории // *Вопросы социальной теории*, 2013-2014. т. VII. вып. 1-2. С. 96-106.
15. Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов // *Труды лаб. виртуалистики*. Выпуск 7. Труды Центра профориентации. М., 2000. С. 16.
16. Пороховский А.А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // *Экономика. Налоги. Право*. 2020. №2. С. 84-91. <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2020%20%E2%84%962.pdf>
17. Тихонова А. Д. К вопросу о развитии инновационных экосистем в современной экономике // *Вопросы инновационной экономики*

ки. 2019. Т. 9, № 4. С. 1383-1392. DOI: <https://doi.org/10.18334/vines.9.4.41449>

18. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287-290.

References

1. Astashkin A.G., Bresler M.G. Sotsial'nye media v strukture sovremennoy setevoy kommunikatsii [Social media in the structure of modern network communication]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 814-822.
2. Bresler M.G. Aksial'nyy faktor v sotsial'nykh protsessakh informatsionnogo obshchestva: filosofskiy analiz [Axial factor in social processes of the information society: philosophical analysis]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2017, no. 2 (136), pp. 105-109.
3. Bresler M.G. *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Media in the modern world. 58th Petersburg Readings. Collection of materials of the International Scientific Forum]. In 2 volumes. Executive editor V.V. Vasilyeva. 2019, pp. 93-94.
4. Bresler M.G. Sotsial'naya solidarnost' v informatsionnom obshchestve [Social solidarity in the information society]. *EvrAziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2014, no. 2 (69), pp. 178-179.
5. Bresler M.G. *Ontologiya setevogo bytiya* [Ontology of network existence]. Ufa: Izd-vo UGNTU, 2020, 130 p.
6. Bresler M.G. *Sotsial'nye seti i setevye soobshchestva informatsionnogo obshchestva* [Social networks and network communities of the information society]. Ufa: RITs BashGU, 2014, 174 p.
7. Bresler M.G., Rabogoshvili A.A., Suleymanov A.R. K voprosu o roli simvolicheskogo v identifikatsii cheloveka informatsionnogo/tsifrovogo obshchestva [On the question of the role of the symbolic information / digital society in human identification]. *Studia Culturae*, 2020, no. 45, pp. 18-34.

8. Vartanova M.L., Drobot E.V. Tsifrovaya transformatsiya rossiyskogo APK v sovremennykh usloviyakh [Digital transformation of the Russian agro-industrial complex in modern conditions]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 301-310. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41534>
9. Gorodnova N.V., Samarskaya N.A., Krupkin A.V. *Realizatsiya proekta «Sistemnyy gorod» (na primere g. Ekaterinburg)* [Implementation of the “System City” project (for example, Yekaterinburg)]. *Zhilishchnye strategii*, 2019, vol. 6, no. 4. DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.6.4.40924>
10. Gorodnova N.V., Skipin D.L., Rozhentsov I.S. Primenenie Smart-tekhnologii: otsenka vliyaniya na razvitie chelovecheskogo kapitala [Application of Smart Technologies: Assessing the Impact on Human Capital Development]. *Kreativnaya ekonomika*, 2019, vol. 13, no. 10, pp. 1837-1858. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.13.10.40965>
11. Gryaznova E.V. Filosofskiy analiz kontseptsiy virtual'noy real'nosti [Philosophical analysis of the concepts of virtual reality]. *Filosofskaya mysl'*, 2013, no. 4, pp. 53-82. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.4.278>
12. Gurov F.N. Opyt sotsial'no-filosofskogo osmysleniya problemy “feykov” i “puzyrey fil'trov” v seti [Experience of social and philosophical understanding of the problem of “fakes” and “filter bubbles” in the network]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2019, no. 3, pp. 9-20.
13. Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasyuk E.G. Antropologiya tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda [Anthropology of the digital city: on the question of choosing a method]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 4, pp. 41-54.
14. Ivakhnenko E.N., Ataeva L.I. Autopoyezise pistemicheskikh veshchey kak novyy gorizont postroeniya sotsial'noy teorii [Autopoiesis of epistemic things as a new horizon for building social theory]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2013-2014, vol. VII, issue 1-2, pp. 96-106.
15. Nosov N.A. Slovar' virtual'nykh terminov [Dictionary of virtual terms]. *Trudy lab. virtualistiki. Vypusk 7. Trudy Tsentra proforientatsii* [Proceed-

- ings of the laboratory of virtualistics. Issue 7. Proceedings of the Career Guidance Center]. M., 2000, pp. 16.
16. Porokhovskiy A.A. Tsifrovizatsiya i iskusstvennyy intellekt: perspektivy i vyzovy [Digitalization and Artificial Intelligence: Prospects and Challenges]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2020, no. 2, pp. 84-91. <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2020%20%E2%84%962.pdf>
17. Tikhonova A.D. K voprosu o razvitii innovatsionnykh ekosistem v sovremennoy ekonomike [On the development of innovative ecosystems in the modern economy]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1383-1392. DOI: <https://doi.org/10.18334/vinec.9.4.41449>
18. Tikhonova S.V., Frolova S.M. Tsifrovoe obshchestvo i tsifrovaya antropologiya: transdistsiplinarnye osnovaniya sotsial'no-epistemologicheskikh issledovaniy [Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Socio-Epistemological Research]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2019. vol. 19, issue 3, pp. 287-290.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Демичев Илья Валерьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Государственное автономное научное учреждение Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

ул. Кирова, 15, г. Уфа, 450008, Республика Башкортостан,

Российская Федерация

demicheviv@isi-rb.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Demichev Ilya V., PhD, Senior Researcher

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan

15, Kirov Str., Ufa, 450008, Republic of Bashkortostan, Russian

Federation

demicheviv@isi-rb.ru

ORCID: 0000-0003-3829-6663

SPIN-code: 4073-2553

ResearcherID: ABA-4101-2020